

Аркадий Стругацкий, Борис Стругацкий Четвертое царство (На грани возможного)

Глава первая. Свинцовый цилиндр

Самолет лег на крыло и пошел вниз. Облака расступились, и стал виден остров — громадное пестрое ржаво-серое пятно на синей поверхности океана, окаймленное белым кружевом прибоя.

— Кажется, приехали наконец, — с облегчением сказал майор Соколов. — Слава богу, все кишки вымотала болтанка проклятая.

Капитан Олешко, согнув в дугу длинное неуклюжее туловище, приник лбом к холодному стеклу окна. Под самолетом быстро проносились крутые скалы и сопки, покрытые кое-где пятнами потемневшего от пыли снега, мрачные ущелья, безжизненные каменистые долины, тускло-зеленые участки зарослей курильской березы. Промелькнули разбросанные крыши поселка, несколько лодок у берега, потянулись и исчезли пунктирные линии старых японских траншей. Рев моторов вдруг стих. Олешко сморщился и затряс головой: заложило уши. Соколов засмеялся, показав

знаками, что тоже ничего не слышит. В этот момент самолет мягко ударился колесами, подпрыгнул, снова ударился и, покачиваясь и слегка подскакивая, покатился по земле. Из пилотской кабины вышел полковник Крюков, сказал что-то. Олешко с трудом проглотил слюну, и сразу словно пробки вынули из ушей.

— Я спрашиваю, как самочувствие, — крикнул Крюков.

— Отлично, товарищ полковник, — ответил Олешко. — Оглох вот немного, но уже прошло.

Самолет развернулся, остановился, в последний раз неистово взревел моторами и смолк.

— Пошли, — сказал Крюков.

Один из летчиков побежал вперед раскрыть дверь и выкинуть лестницу. Офицеры взяли плащи и чемоданы и, разминая затекшие от трехчасового сидения ноги, двинулись к выходу. Внизу их встретил молодой сухощавый капитан-пограничник. Пока он рапортовал Крюкову о благополучии на вверенной ему, капитану, заставе, Олешко с любопытством огляделся. Они приземлились на старой взлетно-посадочной полосе, проложенной когда-то японцами между двумя невысокими холмиками. Бетон полосы потрескался и местами выкрошился, из трещин выбивались веселые травинки. На одном из холмов располагался домик со сложным антенным

устройством на крыше. В стороне стоял облезлый, непривычно маленький самолет, по-видимому, японский.

— Познакомьтесь, товарищи, и поехали, — сказал полковник.

— Капитан Нелюдин, — отрекомендовался начальник заставы.

Соколов и Олешко назвали себя и пожали ему руку. Окутываясь тучами сизого дыма, подкатил потрепанный газик. Шофер, красивый плечистый сержант, выскочил и взялся было за чемоданы, но Нелюдин остановил его.

— Все всё равно не поместимся, — сказал он. — Оставайтесь с вещами, я пришлю за вами машину с Баевым.

— Далеко до заставы? — осведомился Соколов, залезая на заднее сидение.

— Минут двадцать езды. Дорога очень скверная, а то бы за десять минут доехали.

Нелюдин не преувеличивал, дорога действительно была на редкость плохая. Газик, отчаянно дребезжа и фыркая, переползал с ухаба на ухаб. Когда аэродром скрылся за сопками и вокруг открылось изрытое поле, Крюков спросил:

— Как ваш задержанный?

— Умер, — виноватым голосом ответил капитан, напряженно вертя баранку.

Полковник даже подскочил от

неожиданности. Олешко и Соколов переглянулись.

— Как умер? Когда?

— Сегодня утром, часа четыре назад.

— Так. — Полковник помолчал, раскачиваясь в такт тряске. — Зря, выходит, я сюда следователя с переводчиком тащил...

— Товарищ полковник, видели бы вы, в каком он был состоянии, когда мы его...

— У вас есть фельдшер, на худой конец врача из поселка могли пригласить.

— Врач и фельдшер всю ночь над ним колдовали. Так и не поняли, что с ним. Ранен в левую ногу, похоже — из пистолета, но ведь от этого не умирают.

— Выяснили, откуда он взялся?

— Выяснил. Выполз из тоннеля в сопке, где его нашли. Совсем рядом с заставой.

— Из какого тоннеля?

— Вроде шахты в скале, японцы вырыли. Здесь все такими шахтами изрыто. Целый подземный город. Ходы, переходы, колодцы... Лабиринт, одним словом.

Дорога пошла косогором, и машина сильно накренилась. Все невольно склонились в противоположную сторону, хватаясь друг за друга. Только Нелюдин продолжал править как ни в чем не бывало, видимо, простодушно радуясь, что начальство не очень сердито на него за смерть

задержанного.

— Вот мы едем, а под нами, может быть, залы, склады, помещения разные, — говорил он.

— Может быть? Разве вы сами там не бывали? — спросил Соколов.

Нелюдин рассмеялся.

— Думаете, туда так просто попасть? Во-первых, мы, собственно, так и не знаем входы в это подземное царство. Замаскированы они замечательно. Вот, например, тот, у которого задержанного взяли. Сто раз мы там проходили и не заметили ничего. Только по следам и отыскивали. Со стороны поглядеть — просто расщелина в скале... Во-вторых, многие входы японцы перед капитуляцией взорвали, обрушили. Чтобы пробраться в них, нужно их расчистить, раскопать завалы, да того и гляди в какую-нибудь ловушку попадешь...

— Что за ловушки? — с любопытством спросил Олешко.

Машина спустилась с сопки и покатила по более или менее сноному проселку. Впереди открылся вид на океан, показалась тесная кучка небольших строений.

— Есть у меня командир отделения сержант Новиков, бывший шахтер, — сказал Нелюдин. — Я поручил ему обследовать все известные тоннели и искать новые. Любопытно, да и для дела,

безусловно, полезно. Он излазил все, что только можно, иногда по два дня проводил под землей. Раз в прошлом году, в мае, полез он со своим другом и напарником Костенкой в пещеру, что под Танковой сопкой. Это утес такой на западном берегу. Зашли они далеко, осматриваются. Новиков что-то замешкался. Костенко вперед пошел, светит фонариком, смотрит — дальше вода. Он думал, что лужа, ну и шагнул. И сразу с головой, только пузыри пошли. Там оказался не то колодец, не то штольня. Насилу Новиков его вытащил.

— А сам ты туда ходил? — спросил Крюков.

— В Танковую — нет. А вообще — ходил, конечно. Во многих тоннелях побывал. Жутко там, мрак, тишина, только вода с потолка капает. Идешь, идешь, словно в преисподнюю. Надо сказать, почти все шахты, входы в которые известны, оканчиваются тупиком. Либо завалом, либо колодцем с водой. Дальше не пройдешь.

— Думаешь, и этот новый тоннель тоже такой? — словно случайно обронил Крюков.

Нелюдин скосил на него глаза.

— Нет, этого я не думаю, — проговорил он. — Да вы не беспокойтесь, товарищ полковник, я возле него пост выставил.

— И не думаю беспокоиться. — Крюков зевнул, явно притворно, затем спросил: — А почему ты считаешь, что там целый город, склады и

прочее?

— А как же? Вот, например, там, — Нелюдин ткнул пальцем в сторону гряды мрачных серо-желтых скал километрах в пяти от дороги, — торчит из-под земли обрывок толстого многожильного кабеля. Что за кабель? Куда он ведет? Где начинается? Да что далеко ходить... Два года назад было сильное землетрясение. Помните, наверное? Волна метров в пятнадцать высотой ударила в восточный берег, залила все низины. На другой день смотрим — валяются на берегу тюки с японским обмундированием. Откуда их вынесло? Ясно, под землей что-то есть.

Газик подкатил к группе одноэтажных домиков, окруженных оградой, и остановился у самого большого из них. Часовой у крыльца поприветствовал по-ефрейторски. Подбежал, придерживая кобуру, дежурный с рапортом.

— Веди к себе, — сказал полковник, вылезая из машины.

— Слушаюсь, товарищ полковник, — отозвался Нелюдин и торопливо приказал дежурному. — Найдите Баева, пусть съездит на аэродром за сержантом. Он там с вещами остался. Да напомни повару насчет обеда.

Кабинет начальника заставы оказался крохотной комнаткой с подслеповатым оконцем. Посередине стоял канцелярский стол, в углу

этажерка с книгами и газетами, слева от стола на полу — железный ящик. Полковник уселся за стол, Соколов и Олешко — на принесенных дневальным табуретах, хозяин кабинета за недостатком места примостился на подоконнике.

— Карту, — приказал полковник.

Нелюдин нагнулся над железным ящиком, порылся в нем и развернул на столе стотысячную карту Кунашу.

— Покрупнее масштабом нет?

— Никак нет, товарищ полковник. — Нелюдин сокрушенно вздохнул. — Сколько раз комендатуру запрашивал — не присылают.

Крюков пробормотал что-то нелестное по адресу бюрократов на погранслужбе и вынул портсигар:

— Курите.

— Благодарю, товарищ полковник, бросил. Леденцы теперь сосу.

— Твое дело. Показывай, где входы в тоннели.

— Вот, товарищ полковник, красными кружочками отмечены. А вот этот — новый.

— Так это совсем рядом?

— Так точно. Километрах в трех отсюда. За речкой.

— Пост там поставил, говоришь?

— Поставил. Два человека.

— Значит, понимаешь?

Нелюдин спокойно ответил, слегка отстраняясь от клубов табачного дыма:

— Дело загадочное, товарищ полковник. Рисковать нам никак нельзя.

Крюков кивнул.

— Дело загадочное, что и говорить. Давайте разгадывать. Что нам известно? Вчера в полдень из-под земли, в двух шагах от заставы, выполз неизвестный. Он не пытался скрываться. Наоборот, он выл во весь голос, словно от страшной боли, и что-то выкрикивал на иностранном языке. У него была прострелена нога, он был слеп. Несмотря на все усилия местных светил медицины, он умер сегодня утром, поставив нас, пограничников, в весьма глупое положение. Так?

Все дипломатично промолчали.

— Ну-ка, покажи, что нашли у этого... покойника.

Нелюдин снова наклонился над ящиком.

— Так, ясно. Г-образный фонарь, «мэйд ин Ю Эс Эй», батарейка уже при последнем издыхании. Капитан, на сколько рассчитана такая батарейка?

— Часов на пятьдесят, по-моему.

— И по-моему тоже. Значит...

— Нарушитель пробыл под землей не менее двух суток.

— Правильно. Финский нож, ну, это

обыкновенно. Пистолета у него не было?

— Никак нет.

— А это что такое?

Офицеры с удивлением и любопытством рассматривали тяжелый металлический цилиндр величиной с граненый стакан. Цилиндр был совершенно гладкий, только вокруг дна виднелась едва заметная шероховатая полоска, словно дно было запаяно.

— Судя по всему... — Крюков взвесил цилиндр на ладони, поскреб его финским ножом, постучал по нему пальцем. — Судя по всему — свинец. Но что бы это могло быть? Мина?

— Если мина, то замедленного действия, — сказал Соколов. — Хотя, возможно, детонатор привязывают к ней снаружи.

— Но кто слышал о минах в свинцовой оболочке? Странная штука. Больше на задержанном ничего не было?

— Никак нет. Я сам осмотрел всю одежду, прощупал каждый шов, распотрошил его ботинки — ничего. Да, еще пачка сигарет. Вот она.

— «Честерфилд», знаменитые... Потом отправим на экспертизу. Ну, ладно. Ни продуктов, ни огнестрельного оружия... Кстати, Нелюдин, это тебе принадлежала мысль, что нарушитель кричал по-английски?

— Так точно, — покраснев, сказал

Нелюдин. — Я судил по произношению.

— Он кричал, по-видимому, от боли в раненой ноге? — спросил Соколов.

— Возможно, товарищ майор. К тому же, как говорил врач, он весь в ожогах.

— Тогда все понятно, — воскликнул Соколов. — Он имел неосторожность чиркнуть спичку в таком месте, где скопился какой-либо горючий газ, вроде рудничного. Взрывом этого газа он был обожжен и ослеплен.

Олешко с сомнением покачал головой.

— Я не специалист, конечно, — проговорил он. — Но... ведь Кунашу — остров вулканический, не так ли?

— Да, — подтвердил Нелюдин. — Здесь даже горячее озеро в горах есть.

— Не знаю, но... недра вулканических районов не должны содержать горючих газов. Возможно, нарушитель обварился в горячем источнике... или попал под струю раскаленных вулканических паров...

— Которые заодно вlepили ему пулю в ляжку, — нетерпеливо перебил полковник. — Давайте ближе к делу. Понятно, под землей с ним произошла какая-то неприятность. Но для нас гораздо важнее факт, что он там был не один. С каким заданием эти бандиты высадились на Кунашу? Сколько их? Какое отношение к их

заданию имеет эта свинцовая коробка? Можно было бы вскрыть ее, вероятно, ее содержимое объяснило бы нам многое. Но лучше оставим это экспертам, а сами будем действовать нашими средствами.

— Надо бы исследовать новый тоннель, — сказал Нелюдин.

— Усилить наблюдение за побережьем и вызвать сторожевой корабль, — предложил Соколов. — За нарушителями должны прийти.

— Предупредить рыбаков в поселке, — добавил Олешко.

Полковник рассеянно-доброжелательно кивал головой. Затем вдруг сказал Нелюдину:

— Как у тебя с обедом? Готов?

— Давно готов, товарищ полковник. Разрешите распорядиться?

— Ступай, распоряжайся.

Начальник заставы вышел. Было слышно, как он позвал кого-то и забубнил вполголоса. Крюков с минуту прислушивался, усмехаясь.

— Хороший офицер, этот Нелюдин, правда, товарищи? — сказал вдруг он.

— Ничего, — сдержанно отозвался Соколов, слегка пожимая плечами.

— Мне он понравился, — пробормотал с оттенком недоумения в голосе Олешко.

— Ну-ну, штабные крысы, не обижайтесь. —

Полковник рассмеялся, провел рукой по лицу и снова стал серьезен. — Сторожевик выслан еще вчера, завтра будет здесь. Рыбаков Нелюдин поднял на прочес окрестностей поселка сразу, как только взяли нарушителя. Они теперь на круглые сутки у своих лайб сторожей ставят. И еще кое-что сделано. Нам остались пустяки: спуститься под землю и посмотреть, зачем туда полезли наши незваные гости. Теперь слушайте меня внимательно, товарищи офицеры. Есть данные, что японцы незадолго до войны с нами вели на Кунашу большие строительные работы. Сюда свозили тысячи китайцев, корейцев, англо-американских пленных, загоняли их под землю и, по-видимому, использовали их там до конца. Во всяком случае, ни один из них в живых не остался. Так что можно себе представить, какое огромное хозяйство лежит у нас под ногами. Предполагается, что строилась грандиозная база для новых подводных лодок с большим радиусом действия. Нам неизвестно, успели ли японцы создать эти лодки, но они возлагали на них последние надежды, и, весьма вероятно, господам американцам очень не поздоровилось бы, не прикрой мы вовремя эту лавочку. В общем, Нелюдин совершенно прав, толкуя о подземных складах, казармах и о прочих помещениях под землей. Не исключено, что задание наших гостей как-то связано с этой

подземной крепостью. Словом, дело предстоит очень сложное, и прошу отнестись к нему со всей ответственностью, как подобает советским офицерам-пограничникам. Не скрою, я предпочел бы сейчас иметь вместо вас двух офицеров, хорошо знакомых с оперативной работой, но... мы вынуждены торопиться. Ждать нам некогда. К исследованию нового тоннеля приступим сегодня же вечером. У меня все. Вопросы есть?

— Давно бы уже следовало заняться этим японским муравейником, — пробормотал Соколов. Полковник насмешливо прищурился.

— Можно подумать, что после войны нашему народу только и было дела, что копать в брошенных противником крепостях. Разве крепость на Кунашу — единственная? Знаете, сколько это дело, если браться за него основательно, потребовало бы людей и средств?

Соколов пожал плечами:

— Много, разумеется.

— То-то, что много. Ну, все? А теперь — обедать и отдыхать.

После обеда, состоявшего из лососевой ухи и тушенки с рисом, полковник отправился с Нелюдиным в радиорубку для переговоров с отрядом, а Соколов и Олешко решили прогуляться перед сном. Молча спустились они к берегу и

остановились на скользких, заросших тиной валунах у самой воды.

— Отлив, — сказал Олешко. — Тишина здесь какая, прислушайся. Только птицы кричат. А солнце сияет — глазам больно. И какое чистое небо!

— Это тебе повезло, — отозвался Соколов. — В позапрошлом году мы в это примерно время приезжали сюда для инспекторской проверки, так целый месяц солнца не видали. Туманы ужасные. В двух шагах ничего не видно. Проверку за неделю закончили, а потом полмесяца загорали, ждали летной погоды.

— Будем надеяться, что на этот раз бог нас не... Ох ты, черт, смотри-ка!

Слева, над уступом почти отвесной скалы, возвышался серый бетонный колпак японского дота. Прямоугольные черные провалы двух амбразур были обращены в сторону офицеров и, казалось, разглядывали их с мрачным упорством. Олешко поежился.

— Я даже испугался, знаешь ли. Оглянулся случайно, смотрю — уставился. Неприятное ощущение.

— Эх, ты, — рассмеялся Соколов, хлопая товарища по плечу. — Нервная барышня. А вообще правильно, неприятно. Похоже на огромный череп какой-то.

— Давай попроберемся к нему, посмотрим, — предложил Олешко. — Никогда еще вблизи таких дотов не видел.

Майор хотел было удержать его, но, увидев, что тот карабкается вверх по скале, махнул рукой и последовал за ним. Через несколько минут оба, отдуваясь и отирая пот, остановились у одной из амбразур. Олешко согнулся и влез в нее до пояса.

— Темно и пусто, — слышался его голос, глухой, как из бочки. — А стены толстые, метр-полтора, наверное. Ага... — Он скорчился еще больше, дернулся, и его длинные ноги повисли в воздухе. — Теперь понимаю, как сюда приходили. В задней стене был вход, только теперь он завален.

— Скоро ты там? — сердито спросил майор. Олешко продолжал бормотать что-то, поворачиваясь с боку на бок. Тогда Соколов потерял терпение и выволок его за ноги наружу. — Налюбовался?

— Очень интересно. — Олешко поправил фуражку. — Какая махина, а защищать не сумели.

— Пошли, пора уже.

Когда они вернулись, полковник Крюков беседовал с двумя пограничниками — сержантом Новиковым и ефрейтором Костенко. По-видимому, Новиков только что рассказал о своих экспедициях в тоннели, и теперь Крюков расспрашивал его о способах ориентировки и о неожиданностях,

которые могут встретиться в подземном лабиринте.

— Мелом знаки на стенах ставлю, товарищ полковник, — говорил сержант. — Камни кучкой или в линию укладываю. Как натолкнусь на поворот или разветвление, сразу знак рисую, стрелку, направленную к выходу. Перед вертикальной штольней, конечно, камней поперек тоннеля наложу, чтобы не свалиться туда ненароком в следующий раз.

— Спускаться в эти штольни ты не пробовал?

— Никак нет, товарищ полковник, не пробовал. Какие водой не залиты, у тех скобы для спуска поржавели, опасно на них полагаться. На веревке еще можно было бы, так это нужно туда идти впятером или вшестером. Да и веревки много надо. Штольни ведь очень глубокие. Камень туда бросишь — не слышно, как падает.

— Осталось в тоннелях что-нибудь от прежних хозяев? — спросил Соколов.

— От японцев? Осталось. Провода кое-где вдоль стен идут. В одной галерее узкоколейка проложена. Есть там и пошире помещения, как бы комнаты или залы, в них сохранились обломки столов, стульев. Правда, все это погнило от сырости.

— Радиоприемник наши, — густым басом сказал Костенко и покраснел. — Весь, однако, покорежен. Японцы его перед побегом разбили, так

я думаю.

— Как, по-вашему, что следует с собой взять для спуска под землю?

— Смотря на какое время, товарищ полковник.

— Скажем, на двое суток.

— Первым делом, конечно, запасных батареек, спички, свечи на всякий случай. Консервы и сухари, веревки побольше, если спускаться придется.

— Воды, однако, взять не мешает, — пробасил Костенко.

— Вы же говорили, что вода там со сводов капает. Даже, кажется, тонули.

— Он правильно говорит, товарищ полковник. Вода где капает, где нет, а в колодцах она не питьевая. Морская вода.

Крюков переглянулся с офицерами.

— Вероятно, некоторые тоннели соединены с океаном, — заметил Олешко. — Это, кстати, позволит определять, хотя бы приблизительно, высоту над уровнем моря. Удобно для ориентировки.

— Так. Еще что?

— Шинели нужно взять, или ватники.

— Холодно там?

— Не то что холодно, а познабливает как-то.

— Ясно. Нелюдин!

— Слушаю, товарищ полковник.

— Заготовь по этому списку все на двенадцать человек. Выдели мне девять бойцов с карабинами, в том числе и этих двух, пусть сейчас же ложатся отдыхать. В восемь часов всех нас разбудить.

— Ясно, товарищ полковник. А я... а мне можно будет с вами?

— А кто на заставе останется, товарищ начальник? Учти, бездельничать тебе не придется. За тобой патрули по побережью. Чтобы и муха не проскочила. Людей у тебя маловато остается, и хлопот будет полон рот. Ну, всем спать. Покажи нам наши койки.

Олешко сидел на жестковатом соломенном матрасе, покрывающем скрипучий деревянный топчан, и стягивал сапоги, когда в кабинете начальника заставы за фанерной перегородкой задребезжал телефон.

— Нелюдин слушает. Так, докладывайте... Что? Четыре? Немедленно доставить, да. Впрочем, нет. Я сейчас сам буду. Ждите меня там, ничего не трогайте.

Нелюдин вошел в спальню спокойный, сосредоточенный и немного бледный. Он отдал честь и доложил:

— Товарищ полковник, третий патруль с восточного берега доносит, что им обнаружены спрятанные под камнями четыре водолазных маски

с кислородными баллонами. Разрешите отбыть туда для осмотра?

Полковник крикнул, сел на топчане и достал из-под подушки портсигар.

— Хотел бы я знать, — медленно проговорил он, — что собой представляет этот свинцовый цилиндр.

Глава вторая. Красный газ

Даже ребенком Чарльз Хилл не боялся темноты, он не мог даже представить себе, как можно бояться просто из-за того, что нет света. Более того, по роду своей деятельности он всегда предпочитал свету тьму. Диверсант, разведчик-профессионал — ночное животное. Свет слишком часто был врагом Чарльза Хилла, а тьма всегда была его верным союзником. Но здесь, в катакомбах Кунашу, он понял, что, в сущности, никогда не знал, что такое настоящая тьма. Плотная, непроглядная, она давила на мозг, искажала нормальные представления о действительности, вызывала в сознании странные фантастические образы. Время от времени это становилось нестерпимым, и, чтобы не видеть тьмы, приходилось изо всех сил жмурить глаза — тогда вспыхивали и расплывались белесые световые пятна, и этот воображаемый свет